

Научная статья

УДК 81`33

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

Лингвокогнитивный аспект формирования образа России в контексте репрезентации СВО в неинституциональном медиадискурсе на китайском языке

**Олег Игоревич Калинин^{1,2,3}
Константин Николаевич Мироненко¹**

¹Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

³ Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия

okalinin.lingua@gmail.com
mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

Аннотация

Статья посвящена выявлению концептуальных характеристик образа России, формируемых в неинституциональных медиа КНР в ходе репрезентации российско-украинского конфликта. Опираясь на когнитивно-дискурсивный подход и используя методы количественного и качественного контент-анализа и критического дискурс-анализа, авторы изучили корпус медиатекстов объемом в 480 публикаций и 444 024 знака, собранных в китайской социальной сети Zhihu. На основании полученных в результате анализа дискурса особенностей описания СВО были смоделированы потенциальные изменения в концептуальном образе России в сознании носителей китайской лингвокультуры: негативные – «агрессивная нация», «безответственная страна», положительные – «борец за справедливость», «опора традиционализма».

Ключевые слова

образ России в КНР, неинституциональные медиа КНР, когнитивно-дискурсивный подход, концептуальные характеристики, репрезентация СВО

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Для цитирования

Калинин О. И., Мироненко К. Н. Лингвокогнитивный аспект формирования образа России в контексте репрезентации СВО в неинституциональном медиадискурсе на китайском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 101–122. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

© Калинин О. И., Мироненко К. Н., 2024

Linguocognitive Aspect of Russia's Image Formation in the Context of Ukrainian Conflict Representation in Chinese Non-Institutional Media Discourse

Oleg I. Kalinin^{1,2,3}, Konstantin N. Mironenko¹

¹Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

okalinin.lingua@gmail.com

mirkotofei@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5836-1152>

Abstract

The article studies the conceptual characteristics of Russia's image formed in the non-institutional media of the People's Republic of China through the representation of the Russian-Ukrainian conflict, which fills a gap in Russian applied linguistics. The study develops a cognitive-discursive approach to analyzing information impact and contributes to the theory of mass communication within which the formation and adjustment of events' image is considered as a result of its conceptualisation, categorisation and interpretation in the recipient's consciousness. The two main research methods were the quantitative density and qualitative content analysis, in which key words and collocations with them were studied; another one was a critical discourse analysis. A corpus of 480 media texts collected from the Chinese social network Zhihu was studied. Based on the description of the Russian-Ukrainian conflict obtained as a result of discourse analysis, potential changes in the conceptual image of Russia formed in the Chinese linguoculture have been modelled: negative – “an aggressive nation”, “an irresponsible country”, positive – “a fighter for justice”, “a pillar of traditionalism”. The results obtained can be used for prognostic purposes and for further study of the mechanisms of modelling the image of public institutions and the formation of public opinion in general.

Keywords

image of Russia in China, non-institutional media, cognitive-discursive approach, conceptual characteristics, representation of the Russian-Ukrainian conflict

Acknowledgments

The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

For citation

Kalinin O. I., Mironenko K. N. Linguocognitive Aspect of Russia's Image Formation in the Context of Ukrainian Conflict Representation in Chinese Non-Institutional Media Discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 101–122. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-101-122

Введение

Самым значимым событием в мире начиная с 2022 г. и по настоящее время можно считать специальную военную операцию Вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины (далее – СВО). По оценкам многих экспертов, СВО во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, так как представляет собой критически важный шаг по переходу к многополярному мировому устройству [Послание Президента, 2023]. Как утверждает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «Нынешнее положение вещей чревато глобальными конфликтами или целой цепью конфликтов, что представляет собой угрозу для человечества... Смена вех – процесс болезненный, но естественный и неизбежный. Будущее мировое устройство формируется на наших глазах» [Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2023].

Сразу после начала боевых действий не менее ожесточенное «сражение» развернулось среди лидеров мнений мировой общественности, в результате которого информационная война вышла за пределы своего уже привычного формата, а СМИ превратились из средств «артиллерийской поддержки» в «оружие массового поражения». В условиях мирового политического

и экономического кризиса, невозможности решения возникающих проблем в рамках международных организаций на первый план вышли двусторонние отношения между государствами, а «СВО стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения отношений между странами и формирования образа России и ее будущего среди народов других стран» [Информационная война..., 2024, С. 6].

На фоне массовой критики действий России в западных СМИ особый интерес представляют альтернативные мнения в других частях мира, среди которых одним из наиболее значимых представляется оценка СВО со стороны КНР, второй крупнейшей экономики мира, постоянно-го члена Совета Безопасности ООН и страны, принимающей все более активное участие в решении глобальных проблем. Отметим, что Россия с Китаем официально состоят в отношениях «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» [Совместное заявление], а в публичном медиапространстве России часто постулируется мнение о всесторонней поддержке со стороны Китая [Риа Новости, 2024]. Этот вывод представляется не в полной мере обоснованным, так как отражает лишь частные интерпретации российских журналистов отдельных высказываний китайских политических деятелей и не содержит настоящего анализа общественного мнения.

Специальная военная операция как предмет описания китайских СМИ представлена в работах О. И. Калинина, Д. В. Мавлеевой [Калинин, Мавлеева, 2022], Сюй Минло [Сюй, 2022], Р. Д. Шемякина [Шемякин, 2023]. Отметим, что часть исследователей подтверждает своими научными изысканиями официальную позицию о всесторонней поддержке Китаем действий России. Так, Р. Д. Шемякин утверждает, что «в большинстве случаев настроение в СМИ к России дружественное. Россия выступает как мощный стратегический, военный и экономический союзник, ее народ предстает как неукротимый и сохраняющий свои культурные недостатки. Также часто подчеркивается, что и Россия, и Китай совместно борются с США и НАТО» [Шемякин, 2023. С. 348]. Сюй Минло также подтверждает дружественную риторику китайских официальных СМИ, объясняя это прямым указанием китайских властей «ограничить освещение СВО в рамках усилий по укреплению мира и поддержки права России на защиту своих интересов» [Сюй 2022. С. 214]. В работах О. И. Калинина и Д. В. Мавлеевой на основании проведенных корпусного контент-анализа и содержательного дискурс-анализа дается более сдержанная оценка: «...в медиадискурсе КНР скорее отсутствует стремление сформировать оценочный компонент концептуального знания о ситуации на Украине. При этом мы видим, что значительное внимание уделяется историческому контексту взаимоотношений России и Украины и внешнему социально-экономическому фону» [Калинин, Мавлеева, 2022. С. 143].

При этом мы полагаем, что позиция, которая транслируется официальными СМИ, при ее безусловной значимости не отражает всей полноты картины формирования общественного мнения об СВО, и, следовательно, конструирования образа ВС РФ и России в целом. Современное медиапространство формально можно разделить на институциональные и неинституциональные сегменты масс-медиа, где первые представлены официальными СМИ и традиционными средствами распространения информации (телевидение, газеты, радио, Интернет), а вторые – социальными сетями информационно-развлекательного характера, где новостные сообщения преподносятся как частные мнения отдельных блогеров. При этом в СМИ обоих типов формируется концептуальный образ СВО, который оказывает воздействие на восприятие России в целом, и это значит, что в результате прагматических особенностей репрезентации в СМИ событий на Украине, под влиянием, прежде всего, оценочного и эмоционально-чувственного компонентов, происходят содержательные изменения в признаках концепта РОССИЯ в китайской картине мира.

В этой связи предметом данного исследования полагаются концептуальные характеристики образа России, формируемые в неинституциональных медиа КНР в ходе репрезентации российско-украинского конфликта. Основной целью мы ставим выявление лингвокогнитивных характеристик формирования образа России в контексте репрезентации СВО в китайской

социальной сети Zhihu. Достижение этой узконаправленной цели связано с насущной необходимостью мониторинга и прогнозирования состояния общественного мнения о России и ее базовых общественных институтах, как, например, Вооруженные силы, в зарубежных странах.

Теоретические основания исследования

Изучение репрезентации в СМИ определенных общественных институтов или событий представляется одним из направлений современной прикладной лингвистики, которое во многом базируется на когнитивно-дискурсивном подходе к анализу масс-медиа, а также на теории массовой информации и информационного воздействия. Понятие информационного воздействия базируется на пресуппозиции, что «передача информации на современном этапе развития общества является перманентным процессом, что создает реальность постоянной вовлеченности аудитории в информационную среду, которая становится основой для формирования мировоззренческих установок и определения базовых аксиологических констант картины мира человека» [Иванов, Калинин, 2023. С. 100]. Отсюда следует, что всякий речевой акт в контексте развиваемого дискурса мотивирован социокультурной средой и приобретает черты комплексного информационного воздействия, т. е. речевого воздействия на реципиента посредством рационально-логических и образно-метафорических языковых средств.

Более того, отсюда также следует, что любое *упоминание* определенного объекта действительности в СМИ предстает перед нами как акт, потенциально формирующий в сознании массовой аудитории **когнитивные** признаки данного объекта. Будучи помещенным в дискурсивную среду, слово-репрезентант определенного концепта либо в очередной раз «подтверждает» весь комплекс своих коннотаций, т. е. свое значение, детерминированное прагматически, либо приобретает новые коннотативные оттенки и ассоциации, связанные с формированием оценки. В теории информационной войны полагается, что подобное внесение дополнительных оценочных значений к понятийному содержанию лексемы есть средство информационного воздействия на инструментальном уровне, которое, будучи повторенным многократно в разных контекстах, в конечном счете может привести к появлению нового устойчивого оценочного значения [Информационная война, 2024. С. 35], принимаемого невнимательным читателем за истину. Если просто, то данный эффект подтвержден известным экспериментом Валерии Мухиной про белые и черные пирамидки, когда взрослые люди под воздействием мнения окружающих начинали называть белое черным [Мухина, 2010].

Лингвистические аспекты информационного воздействия изучаются лингвистикой информационной войны – междисциплинарного направления науки, совмещающего в себе теоретические основы лингвистики, психологии, социологии, теории массовой коммуникации [см. Копнина, 2018; Кушнерук, Чудинов, 2019; Сковородников, Копнина, 2016; Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016; Красовская, 2016].

Согласно С. Л. Кушнерук, существует два основных направления исследований феномена информационной войны, и, следовательно, информационного воздействия: коммуникативно-прагматическое и когнитивно-дискурсивное. В рамках коммуникативно-прагматического подхода центральное место занимают «речевые тактики и приёмы речевого воздействия, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия» [Кушнерук 2023. С. 115], а когнитивно-дискурсивное рассматривает «особую роль когнитивных факторов, влияющих на объективацию имиджа в медиакommunikации»; оно придает «значимую роль имагологическим основаниям, поскольку они могут объяснять механизмы формирования и функционирования национальных стереотипов» [Кушнерук, 2023; Красовская, 2016].

В этом контексте, рассматривая дискурс как «единство языковой формы, значения и действия в социальном контексте» [Калинин, 2018. С. 13], мы можем постулировать, что одна из основных функций дискурса – это продуктивная репрезентация представлений об окружа-

ющем мире в формально-языковых структурах, что делает дискурс одним из инструментов познания мира и конструирования концептуальной картины мира человека, а значит и воздействия на человека. Т. ван Дейк также подчеркивал, что «взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами – не просто корреляционное или каузативное, а <...> сложный социокогнитивный процесс» [ван Дейк, 2014. С. 21]. При этом он, как никакой другой, подвержен манипуляциям различного рода, включая фейки, цель которых состоит в том, чтобы преднамеренно создать не правдивую (истинную), а правдоподобную картину некоторого важного международного события, выгодную отправителю, что уже подтверждалось данными лингвистических исследований языковых маркеров манипуляции [Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016].

Когнитивная природа формирования медиаобраза в рамках дискурса СМИ очевидна, поскольку любой процесс обмена информацией связан с репрезентацией знаний о социально-политическом устройстве. Так, конструирование и изменение образа реализуется через концептуализацию, категоризацию и интерпретацию. Концептуализация как «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов, т. е. сформированных в сознании человека единиц знания» [Болдырев, 2021. С. 48] является наиболее очевидным механизмом формирования или изменения медиаобраза, что, по сути, представляет собой структуризацию или реструктуризацию представлений об окружающем мире за счет формирования нового или изменения имеющегося знания об объектах и явлениях окружающей социополитической действительности. С. Л. Кушнерук, например, отмечает, что «манипуляция в процессе тесно связана с фреймированием, процессом структурирования информации относительно геополитически значимых явлений жизни, что становится возможным за счет СМИ» [Кушнерук, 2019, С. 17].

Формирование медиаобраза также реализуется посредством механизма категоризации как «соотнесения полученных результатов познания с определенными рубриками опыта» [Болдырев, 2021. С. 45]. Если основной формой конструирования медиаобраза можно считать «внесение изменения в концептуальные структуры индивида, группы людей или общества в целом» [Калинин, Приходько, 2023. С. 32], то также можно полагать, что целенаправленная категоризация и перекатегоризация концептов-мишеней – это действенный способ формирования общественного мнения. Например, в настоящее время в рамках политического дискурса целенаправленно формируются и навязываются специальные «искусственные категории», например, «список государств – спонсоров терроризма», санкционный список или, например, «ось зла» [Правда.ру, 2024], которые имплицитно обвинение и осуждение. Будучи помещенным с умыслом или случайно в подобный перечень, общественно-политический субъект как бы автоматически приобретает концептуальные признаки всей категории. А настойчивые упоминания в западной прессе о «шпионском» прошлом В. В. Путина призваны подспудно дискредитировать его как человека, способного честно выполнять свои функции главы государства. Вокруг этого момента давно уже идет своеобразная медийная игра, некоторые детали которой описаны в работе А. Ф. Боголюбова [Боголюбов, 2020].

Что касается механизма интерпретации, описываемого Н. Н. Болдыревым как «процесс субъективного понимания человеком мира <...>, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной на существующих общечеловеческих представлениях о мире и на личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев, 2011. С. 11], то он также непосредственно связан с формированием медиаобраза, так как современное медиапространство, создающее персонализированный контент, формирует заданные алгоритмы интерпретации и за счет унификации опыта взаимодействия человека с окружающим миром как бы предопределяет направление и результат субъективной интерпретации поступающей информации.

Все эти теоретические положения в конечном счете сводятся к тому, что современный человек, фактически перманентно включенный в мировые информационные процессы, постоянно подвержен информационному воздействию различных игроков, суть которого состо-

ит, в том числе, в целенаправленном или нецеленаправленном формировании концептуальных представлений о политической и идеологической реальности, называемом нами медиаобразом, что в конечном счете влияет на мировоззрение и константы картины мира у получателя информации. Изучение процессов репрезентации тех или иных политических, экономических или социальных событий, реалий, происшествий представляется, поэтому, крайне важным для определения состояния общественного мнения, подвергающегося воздействию, и его прогнозирования. Кроме того, накопление эмпирического знания о таких процессах в разных лингвокультурах и относительно разных объектах репрезентации может быть полезным для понимания природы информационного воздействия как когнитивно-дискурсивного явления вообще. Как мы указывали ранее, «исследование репрезентации тех или иных значимых социально-политических событий в средствах массовой информации является важным и актуальным с точки зрения сразу нескольких аспектов:

1) с теоретической точки зрения оно позволяет выявить механизмы формирования общественного мнения;

2) с практической точки зрения демонстрируют *hic et nunc* состояние общественного мнения относительно того или иного события» [Калинин, 2022. С. 42].

Для того чтобы обе эти утилитарные исследовательские задачи можно было реализовать, следует разработать простую и понятную последовательность применяемых исследовательских шагов.

Материал и методы исследования

Методологической основой проведенного исследования является когнитивно-дискурсивный подход, а ведущим методом исследования – корпусный анализ, т. е. использование собственно собранного корпуса медиатекстов для выявления конститутивных и прагматических характеристик медиаобраза России.

Материал отбирался методом сплошной выборки из публикаций в китайской социальной сети Чжиху (知乎 Zhihu), которая является крупнейшей платформой представления пользовательского контента в форме вопросов и ответов в Китае, а также одной из пяти наиболее популярных социальных сетей. Zhihu не только накапливает большую базу данных вопросов пользователей и ответов на них, которые даются другими ее пользователями, но и классифицирует материал по разделам. В качестве источника отбора материала нами была выбрана именно эта платформа, так как авторы Zhihu, как правило, являются исследователями с соответствующим профессиональным опытом и любителями с широким кругом интересов. Неформальным экспертам Zhihu доверяют, потому что они проходят процедуру допуска со стороны администрации сервиса с обязательной загрузкой своих дипломов и сертификатов.

Выборка текстов проводилась в период с февраля 2022 по декабрь 2023 г., объем корпуса медиатекстов составил 480 публикаций, всего 444 024 иероглифических знака. Учитывая формально-лингвистическую специфику понятия иероглифического знака, аналога слов и лексем в индоевропейских языках, отметим, что согласно исследованию Д. С. Коршунова, использование статистических мер в их отношении вполне возможно и целесообразно, если они трактуются как иероглифические биграммы и, конечно же, при учете соответствия их специфики исследовательской задаче [Коршунов, 2022, С. 64], что подтверждает релевантность выбранного материала исследования его методологии.

На наш взгляд, корпусный подход позволяет снизить потенциальные неточности в интерпретации, что свойственно исследованию отдельных текстов, и повысить репрезентативность исследовательской выборки. Там, где есть большие данные, остается мало пространства для субъективной интерпретации. При этом очевидным недостатком количественного контент-анализа корпуса текстов является невозможность до определенной степени детализировать получаемые выводы, т. е. их некоторая абстрактность. В этой связи мы полагаем, что важ-

ным является совмещение двух подходов: количественного и качественного контент-анализа, где первый опирается на выявление и тематическую сегментацию ключевых слов с их последующим анализом для понимания общих закономерностей, что позволяет идентифицировать базовые понятийные компоненты концепта-мишени, а второй является по сути критическим дискурс-анализом, который нацелен на подтверждение общих выводов частными примерами и на поиск тех скрытых закономерностей, которые выпали из внимания на первом этапе, что часто позволяет выявлять оценочный и образный компоненты концепта-мишени.

Технически методология анализа медиаобраза России в контексте репрезентации российского-украинского конфликта в основном базируется на корпусном контент-анализе, который включает:

1. Количественный контент-анализ – использование программного обеспечения для создания списка ключевых слов, объединение часто встречающихся слов в тематические блоки и выявление закономерностей в использовании ключевых слов и коллокаций. Контент-анализ проводился с использованием программы-конкордансера AntConc (версия 3.5.8) [Anthony, 2013], поскольку она позволяет изучать большие объемы текстовой информации и выявлять характерные лексические элементы и их сочетания. При количественном подсчете наиболее употребительной лексики в собранных корпусах учитывались только те лексические единицы, которые имели в выборке более 30 вхождений.

2. Количественный анализ коллокаций – использование специального сервиса для выявления наиболее частотных коллокаций с целевыми лексемами-репрезентантами, что позволяет уточнить содержание понятийного компонента, а также изучить оценочные коннотации концептов-мишеней. В практической плоскости этот этап исследования проводился посредством сервиса Sketch Engine, который не только выделяет частотную сочетаемость, но и структурирует коллокации по грамматическим категориям, что позволяет исследователю получать более детализированную информацию. Мы рассмотрели коллокации для ключевых слов лексико-тематической группы НОМИНАЦИЯ КОНФЛИКТА (战争 «война», 冲突 «конфликт», 特别军事行动 «СВО», 入侵 «вторжение»); а также коллокации к словам 俄罗斯 «Россия» и 普京 «Путин». Коллокации каждого изученного ключевого слова были рассмотрены с позиций грамматической роли данного ключевого слова как субъекта, объекта и детерминатива.

3. Качественный контент-анализ – рассмотрение отдельных контекстов для уточнения полученных данных, что позволяет в полной мере выявить оценочный потенциал изученных текстов. Под качественным мы понимаем интегральный сбор данных из текстов посредством контекстуального проникновения в смысл исследуемого текстового массива, т. е., по сути, извлечение смыслов относительно исследуемого концепта-мишени. Качественный контент-анализ во многом базируется на подходах критического анализа дискурса, так как основывается в том числе на выявлении взаимосвязи дискурсивной и социальной реальности, а также на лингвопрагматическом анализе, так как основной его целью является выявление авторской интенции относительно формирования медиаобраза.

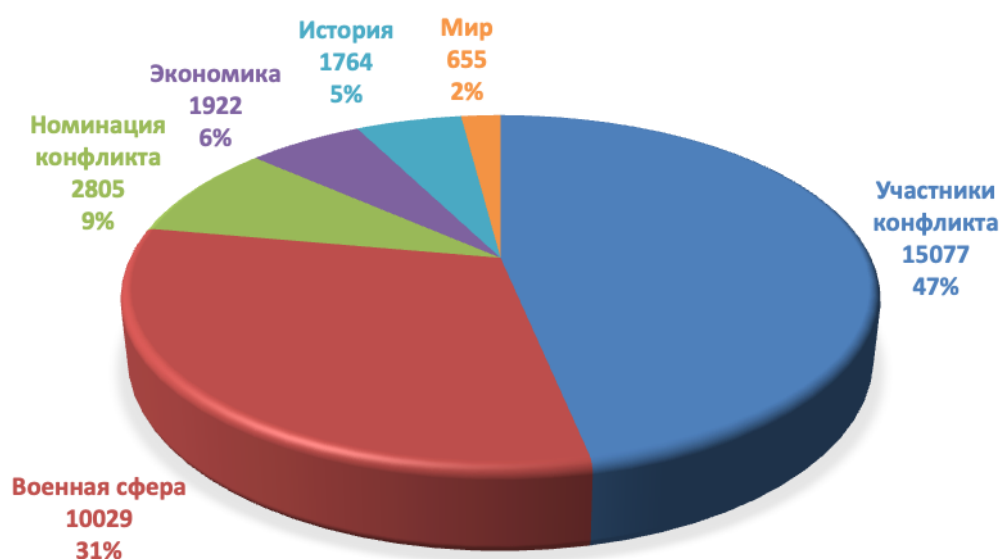
Результаты исследования

Количественный контент-анализ ключевых слов

Сплошной анализ ключевых слов позволил выделить 6 тематических групп, связанных с образом России как частью репрезентации конфликта на Украине: «Военная сфера», «История», «Мир», «Номинация конфликта», «Участники конфликта» и «Экономика».

Отметим, что на первом этапе исследования мы отбирали из списка частотной лексики только прагматически значимые лексические единицы, и поэтому служебные слова, местоимения, существительные со значением времени и другая лексика, семантика которой не отражает

тематического содержания речевого сообщения, не принималась во внимание. В результате было отобрано 225 лексических единиц с общим количеством 32 252 текстопотребления, в рамках которых и рассматривался образ России, что представлено на рисунке.

Количественное распределение ключевых слов по тематическим группам
Thematic distribution of keywords

Как видим, данные о частотности употребления лексических единиц различных тематических групп однозначно указывают на то, что наиболее значительными по количеству текстопотреблений являются группы «Участники конфликта» и «Военная сфера», что закономерно и потому предсказуемо, так как именно эти тематические группы концептуально отражают содержательную доминанту медиатекстов об СВО как о вооруженном конфликте.

Разнообразие лексем в тематической группе «Номинация конфликта» показывает, как представляется, различия в прагматическом аспекте репрезентации российско-украинского конфликта. Что касается группы «Экономика» и «История», то они отражают, как будет показано, дополнительные смысловые аспекты освещения СВО, тогда как тематическая группа «Мир» сигнализирует обсуждение перспектив завершения конфликта.

Рассмотрим результаты количественного анализа более подробно.

Наиболее многочисленной оказалась тематическая группа «Участники конфликта», она составила 15 077 словоупотреблений, то есть 47 % от общего количества словоупотреблений, причем доминируют лексемы 俄罗斯 «Россия» (3 982) и 乌克兰 «Украина» (3 768). Очевидными выглядят причины высокой частотности употребления и номинаций 美国 «США» (1 588), 西方 «Запад» (651) и 北约 «НАТО» (775), и это значит, что Соединенные Штаты Америки и их союзники фактически признаются одной из сторон конфликта. Также стоит отметить, что номинация «Китай» тоже употребляется довольно часто (778 вхождений), что, по всей вероятности, отражает тенденцию рассматривать Китай в качестве активного участия во внешнеполитических вопросах вообще, и в этом конфликте, в частности. Высокая частотность употребления лексем 欧盟 «ЕС» (318) и 联合国 «ООН» (152) косвенно свидетельствует о репрезентации СВО как международного конфликта.

В отдельную тематическую группу были выделены лексемы, относящиеся к военной сфере. Эта группа составила 10 029 словоупотреблений, или 31 % от общего количества. Беглый

Таблица 1

Распределение ключевых слов по тематическим группам

Table 1

Distribution of keywords by thematic groups

	Участники конфликта		Военная сфера		Экономика		История		Номинация конфликта		Мир	
1	Россия "Россия"	3982	армия "армия России"	664	экономика "экономика"	428	СССР "СССР"	691	война "война"	1280	отношения "отношения"	171
2	Украина "Украина"	3768	военное дело "военное дело"	658	санкции "санкции"	206	Крым "Крым"	199	проблема "проблема"	430	мир "мир"	129
3	США "США"	1588	армия Украины "армия Украины"	386	доллар "доллар"	175	история "история"	179	конфликт "конфликт"	252	дипломатия "дипломатия"	76
4	Китай "Китай"	778	стратегия "стратегия"	308	деньги "деньги"	144	Вторая мировая война "Вторая мировая война"	96	вторжение "вторжение"	210	сотрудничество "сотрудничество"	64
5	НАТО "НАТО"	775	оружие "оружие"	294	ресурсы "ресурсы"	96	холодная война "холодная война"	76	СВО "СВО"	203	стабильность "стабильность"	62
6	Запад "Запад"	651	армия "армия"	272	промышленность "промышленность"	88	революция "революция"	70	вторжение "вторжение"	187	переговоры "переговоры"	61
7	Европа "Европа"	481	фронт "фронт"	222	энергоресурсы "энергоресурсы"	81	Афганистан "Афганистан"	68	оккупация "оккупация"	126	поддерживать "поддерживать"	58
8	Путин "Путин"	465	вести боевые действия "вести боевые действия"	209	компания "компания"	74	Ирак "Ирак"	61	война "война"	117	поддерживать "поддерживать"	34
9	ЕС "ЕС"	318	боевой самолет "боевой самолет"	185	предприятие "предприятие"	63	Сирия "Сирия"	57				
10	Киев "Киев"	186	снаряжение "снаряжение"	175	экспорт "экспорт"	51	Тайвань "Тайвань"	51				
11	Япония "Япония"	179	угроза "угроза"	172	капитал "капитал"	51	Иран "Иран"	44				
12	Германия "Германия"	172	наступление "наступление"	167	продовольствие "продовольствие"	50	империя "империя"	40				
13	Россия "Россия"	153	ракета (управляемая) "ракета (управляемая)"	167	средства "средства"	48	Ельцин "Ельцин"	35				
14	Зеленский "Зеленский"	153	удар "удар"	141	торговля "торговля"	43	Янукович "Янукович"	35				
15	ООН "ООН"	152	контролировать "контролировать"	132	евро "евро"	41	царь "царь"	31				
16	Польша "Польша"	141	танк "танк"	130	рынок "рынок"	41	Чечня "Чечня"	31				

анализ лексем этой тематической группы показывает, что адресанты уделяют внимание описанию актуальности боевой обстановки и ведению боевых действий, о чем свидетельствуют, прежде всего, лексемы 战场 «фронт» (222) и 作战 «вести боевые действия» (209). Упоминание же таких военных терминов, как 武器 «оружие» (294), 战机 «боевой самолет» (185), 导弹 «ракета (управляемая)» (167) и 坦克 «танк» (130) показывает, что китайские блогеры уделяют внимание современному военному вооружению и оборудованию, а также их роли в данном конфликте.

Весьма характерной стала тематическая группа «Номинация конфликта», она составила 2 805 словоупотреблений (9 % от общего количества). По частотности лексем, отражающих номинацию событий на Украине, мы видим, что биграмма с нейтральной окраской 冲突 «конфликт» (252) лишь немного частотней, чем 侵略 «вторжение» (210), а 战争 «война» (1 280), отражающее масштаб боевых действий и вовлеченность сторон в силовое противостояние, более частотна, чем официальная буквальная формула 特别军事行动 «специальная военная операция» (203). Количественное распределение свидетельствует о более эмоциональном описании событий на Украине, отходе от официальных терминов и стремлении придать субъективную

авторскую оценочность, которая, заметим, зачастую носит у блогеров отрицательную оценку («вторжение», «оккупация»).

Тематическая группа «Экономика» представлена 1 922 словоупотреблениями (6 % от общего количества). В целом, мы видим, что количество словоупотреблений лексем 经济 «экономика» (428), 制裁 «санкции» (206), 美元 «доллар» (175) и 钱 «деньги» (144) во многом отражают известный прагматизм китайской культуры, представители которой однозначно большое значение в международных отношениях придают экономическому фактору. Значительный объем экономических терминов в медиатекстах военно-политического характера свидетельствует о потенциальной связи политики и экономики, попытке поиска причин и, главное, последствий военно-политических событий в экономике у авторов изученных сообщений в социальной сети.

Нельзя не отметить весомый объем тематической группы «История», что составило 1 764 словоупотребления (5 % от общего количества). Этот факт, отмеченный нами и в исследованиях институционального медиадискурса на китайском языке [Калинин, 2022], безусловно, отражает культурологические особенности порождения дискурса на китайском языке, показывает необходимость подходить к изучению любых текстов на китайском с позиций китайской культуры, о чем писал в своих работах Ши Сюй [Shi Xu, 2024]. Содержательно разброс ключевых слов в этой тематической группе показывает, что авторы из социальных сетей помещают освещение событий российско-украинского конфликта в максимально широкий контекст, затрагивая историю России («СССР», «Хрущев»), а также, очевидно, проводя параллели с другими вооруженными конфликтами и точками противоречий («Афганистан», «Тайвань»).

Отдельно стоит отметить, что при описании горячей фазы конфликта авторы медиатекстов на китайском языке также довольно часто затрагивают вопросы мирного разрешения конфликта, что отражает наличие 655 словоупотреблений (2 % от общего количества). Например, 和平 «мир» – 129 раз, 外交 «дипломатия» – 76 раз, 合作 «сотрудничество» – 64 раза, 谈判 «переговоры» – 61 раз.

Таким образом, количественный анализ позволяет увидеть, что медиатексты, посвященные российско-украинскому конфликту, формируют двоякое отношение к СВО, ее ходу, причинам и последствиям. Тематическая группа «Номинация конфликта» описывает действия России как агрессивные, что отражается на концептуальном образе нашей страны. В то же время высокая частотность наименований стран Запада, а также лексические единицы, связанные с историей и экономикой, показывают, что репрезентация СВО носит довольно объективный характер, что, соответственно, не влияет на изменение концептуальных установок относительно имиджа нашей страны.

Результаты количественного анализа коллокаций ключевых слов

Для более точного выявления понятийного содержания формируемого общественного мнения о России в контексте описания событий на Украине китайскими блогерами с платформы Чжиху мы рассмотрели коллокации с ключевым словом 俄罗斯 «Россия» (табл. 2). Кроме того, мы рассмотрели коллокации с наиболее частотными номинациями событий на Украине (война, конфликт, СВО, вторжение). Используемый на этом этапе исследования сервис Sketch Engine позволяет рассмотреть наиболее частотные коллокации к отобранным ключевым словам в зависимости от их синтаксических позиций. Так, мы выбрали сочетания, в которых ключевое слово выступает в позиции субъекта, объекта или признака.

В представленной таблице видно, что репрезентация России как субъекта имеет довольно негативный характер, глаголы 打 «бить» (28 словоупотреблений), 入侵 «вторгаться» (17 словоупотреблений), 占领 «оккупировать» (12 словоупотреблений), 并吞 «поглощать» (5 словоупотреблений) показывают нашу страну как «агрессора», который в свою очередь «находится

Таблица 2

Коллокации с ключевым словом 俄罗斯 «Россия»

Table 2

Collocations with the keyword 俄罗斯 “Russia”

俄罗斯 (Россия)	
Субъект	打 «бить» – 28, 要 «нуждаться» – 24, 入侵 «вторгаться» – 17, 占领 «оккупировать» – 12, 出兵 «отправлять войска» – 11, 撤军 «выводить войска» – 7, 发动 «развязывать (войну)» – 7, 开始 «начинать» – 7, 面临 «сталкиваться с ч-л» – 6, 崩溃 «рушиться» – 5, 死 «умирать» – 5, 并吞 «поглощать» – 5, 陷入 «провалиться (в болото)» – 5, 支持 «поддерживать» – 4, 选择 «выбирать» – 4
Объект	支持 «поддерживать» – 50, 让 «заставлять/вынуждать» – 42, 制裁 «накладывать санкции» – 25, 希望 «надеться» – 20, 加入 «вступать» – 17, 侵入 «вторгаться» – 17, 使 «заставлять/вынуждать» – 16, 反对 «противостоять» – 15, 谴责 «осуждать» – 11, 削弱 «ослабевать» – 8, 拖垮 «измотать» – 7, 并入 «присоединять» – 7, 有利于 «благоприятствовать ч-л» – 6, 威胁 «угрожать» – 5, 挑衅 «провоцировать» – 4, 指责 «осуждать» – 4
Признак	军队 «армия» – 42, 联邦 «федерация» – 23, 总统 «президент» – 22, 国防部 «Министерство обороны» – 20, 经济 «экономика» – 15, 帝国 «империя» – 11, 海军 «ВМФ» – 11, 战略 «стратегия» – 9, 侵略 «вторжение» – 8, 政府 «правительство» – 8, 士兵 «солдат» – 7, 空天军 «ВКС» – 7, 战争 «война» – 6, 石油 «нефть» – 4, 天然气 «природный газ» – 4

в затруднительном положении» (崩溃 «разваливаться, рушиться» (5 словоупотреблений), 死 «умирать» (5 словоупотреблений), 陷入 «завязнуть, провалиться» (5 словоупотреблений)).

Предполагаемое «затруднительное положение» нашей страны также подтверждается и коллокациями, где 俄罗斯 «Россия» выступает в роли объекта. Так, судя по полученным данным, Россия выступает в роли «объекта противостояния и осуждения», о чем свидетельствуют следующие слова: 反对 «противостояние» (15), 制裁 «наложить санкции» (25), 削弱 «ослабить» (8), 拖垮 «измотать» (7), 威胁 «угрожать» (5), 挑衅 «провоцировать» (4), 指责 «критиковать» (4).

Коллокации, в которых 俄罗斯 «Россия» выступает в роли определения, не дают какой-либо связи с прагматическим потенциалом в создании образа России в китайский социальных сетях и отражают сугубо содержательный аспект новостных сообщений военно-политического характера.

Рассмотрим лексемы, которыми китайские блогеры зачастую называют конфликт на Украине. По частотности употребления выделяются 4 лексемы 战争 «война», 冲突 «конфликт», 入侵 «вторжение», 特别军事行动 «СВО». Можно заметить очевидную разницу в коннотативных значениях употребляемых частотных номинаций СВО. Чаще всего в неофициальных медиа употребляется лексема 战争 «война», которая, будучи субъектом, образует частотное сочетание 战争爆发 «война вспыхнула», отражающее «внезапный и отчасти безличный характер» событий на Украине. Примечательно, что 特别军事行动 «СВО» употребляется с лексемой 采取 «применять (средство); предпринимать (меры)», т. е. специальная военная операция рассматривается как меры, которые были предприняты Россией. При этом лексических единиц, потенциально отражающих дальнейшую эскалацию конфликта, значительно больше: (发动 «развязывать (войну)», 爆发 «вспыхнуть», 挑起 «провоцировать», 发起 «начинать», 影响 «сказываться (на чем-л.)», 扩大 «расширяться»), чем лексических единиц, указывающих на его разрешение (结束 «завершаться», 解决 «решать (проблему)).

Таблица 3

Коллокации с лексемами-номинациями конфликта

Table 3

Collocations with nominations of the conflict

Субъект	Объект
战争 «война»	爆发 «вспыхнуть» – 28, 开始 «начинаться» – 21, 结束 «завершаться» – 19, 打 «бить» – 18, 持续 «продолжаться» – 7, 失败 «проигрывать» – 7, 打到 «настигать» – 6, 旷日持久 «затягиваться» – 3 发动 «начинать (войну)» – 34, 结束 «завершаться» – 12, 打 «бить» – 11, 爆发 «вспыхнуть» – 8, 反对 «противостоять» – 8, 挑起 «провоцировать» – 5, 发起 «начинать» – 5, 影响 «влиять» – 4, 引发 «порождать» – 3, 升级 «эскалация» – 2, 扩大 «расширяться» – 2
冲突 «конфликт»	爆发 «вспыхнуть» – 13, 结束 «завершаться» – 10, 升级 «эскалация» – 3, 发生 «возникать» – 3, 打到 «настигать» – 2, 加剧 «обостряться» – 2 爆发 «вспыхнуть» – 5, 结束 «завершаться» – 4, 发生 «возникать» – 4, 挑起 «провоцировать» – 2, 解决 «решать (проблему)» – 2, 冻结 «замораживать» – 2
提别军事行动 «СВО»	展开 «разворачиваться» – 4, 开始 «начинаться» – 3 发动 «начинать (войну)» – 11, 发起 «начинать» – 6, 采取 «принимать (меры)» – 6, 开展 «разворачивать» – 4
入侵 «вторжение»	持续 «продолжаться» – 1, 失败 «проигрывать» – 1, 迫在眉睫 «не терпеть отлагательства» – 1 抗击 «контратаковать» – 2, 导致 «приводить к...» – 1, 谴责 «осуждать» – 1, 担忧 «беспокоиться» – 1

Таблица 4

Коллокации с Президентом РФ

Table 4

Collocations with the President of the Russian Federation

普京 (В. В. Путин)	
Субъект	打 «бить» – 6, 要 «нуждаться» – 5, 动手 «приступать к (ч-л)» – 4, 遭遇 «встретиться с (ч-то негативным)» – 4, 上台 «приходить к власти» – 3, 下令 «отдавать приказ» – 2, 下台 «оставлять пост» – 2, 承认 «признавать» – 2, 反对 «противостоять» – 2, 发动 «начинать (войну)» – 2
Объект	批评 «критиковать» – 3, 引诱 «соблазнять» – 3, 谴责 «осуждать» – 3, 批判 «раскритиковать» – 2, 打消 «устранить» – 2, 阻止 «останавливать» – 2, 面对 «столкнуться с...» – 2, 擒 «схватить» – 1, 霸凌 «буллинг» – 1, 佩服 «восхищаться» – 1, 欺骗 «обманывать» – 1, 指责 «укорять» – 1
Признак	总统 «президент» – 15, 老好人 «добряк» – 1, 统帅 «верховный главнокомандующий» – 1, 朋友 «друг» – 1, 领袖 «вождь» – 1, 沙皇 «царь» – 1, 军队 «армия» – 1, 战争 «война» – 1

Образ Президента РФ В. В. Путина также крайне важен для формирования образа России в целом. Количественный анализ коллокаций в неофициальных китайских СМИ с лексемой 普京 «Путин» свидетельствует, что Президент России представлен «объектом осуждения и нападок», о чем свидетельствуют следующие лексические единицы: 批评 «критиковать» (3), 谴责 «осуж-

дать» (3), 批判 «раскритиковать» (2), 打消 «рассеять» (2), 擒 «схватить» (1 словоупотребление), 霸凌 «буллинг» (1), 欺骗 «обманывать» (1). Нельзя не заметить при этом, что китайские блогеры отражают исходно позитивное отношение китайцев к личности Президента России В. В. Путина, называя его «другом», и отмечают его лидерство, на что указывают следующие лексемы: 统帅 «верховный главнокомандующий» (1), 领袖 «вождь» (1), 沙皇 «царь» (1).

Таким образом, анализ коллокаций показывает нейтрально-негативный характер репрезентации конфликта на Украине и Российской Федерации как непосредственной участнице этого конфликта в целом. Коллокации часто указывают на «агрессивный характер» действий нашей страны, подчеркивают потенциальные негативные последствия. Так, мы полагаем, что данный этап анализа позволяет подтвердить полученные на первом этапе исследования данные об определенной негативизации концептуального содержания образа России.

Качественный контент-анализ

На третьем этапе мы провели уточнение промежуточных выводов, полученных на первых двух этапах исследования, свидетельствующих о формировании нейтрально-негативного отношения к СВО в медиатекстах китайской социальной сети Чжиху. Основным подходом, на котором он основывается, является критический дискурс-анализ, который, как известно, призван показать отношения между дискурсом и экстралингвистическими факторами, определяемыми социальной атмосферой, культурным окружением, идеологическим подтекстом [Wodak, 2011]. Ниже мы будем приводить наиболее существенные и существенные характеристики специальной военной операции и формируемые подобной репрезентацией представления о России как об участнике конфликта.

1. Боевые действия – «болото»

Яркая структурная метафора, напрямую соотносящая в сознании коллективного адресата изученных текстов, ВОЙНА – это БОЛОТО, вне всяких сомнений формирует негативный образ СВО и, соответственно, негативный образ Российской Федерации. Стоит, однако, отметить важную особенность китайской ментальности: в китайской культуре любые активные боевые действия рассматриваются негативно. «Искусство войны» древнекитайского полководца и философа Сунь-цзы безапелляционно постулирует преимущества победы невоенным путем: *Одержать сто побед в ста битвах – это не вершина воинского искусства. Повергнуть врага без сражения – вот вершина* (Сунь-цзы, Искусство войны). В этой связи продолжительные боевые действия с точки зрения китайского менталитета – это свидетельство неправильной политической стратегии. Рассмотрим несколько показательных примеров:

1) 俄罗斯陷入战争泥潭, 财政困难, 国内厌战情绪高涨。(知乎) – *Россия погрязла в болоте войны, в финансовых трудностях, в связи с чем растут антивоенные настроения внутри государства.* (Zhihu) – Мы видим, как подчеркивается непосредственная связь боевых действий с потенциальными трудностями для страны в будущем.

2) 如果俄罗斯举全国之力陷入乌克兰的战争泥潭那么它距离崩溃也不远。前有苏联陷入阿富汗的战争泥潭, 导致崩溃。(知乎) – *Если Россия мобилизует все свои силы и увязнет в болоте войны на Украине, то ее крах будет не за горами. Советский Союз погряз в болоте войны в Афганистане, что привело к его распаду.* (Zhihu) – В этом примере автор описывает еще более негативные, по его мнению, последствия для страны – потенциальный развал государства.

Негативное отношение к боевым действиям отражает и яркая онтологическая метафора 战争的“垃圾时间” («мусорное время войны»), несколько раз использованная в разных текстах.

В свете вышеописанной метафорической номинации специальной военной операции Россия также воспринимается в негативном ключе. Для представителей китайской лингвокультуры тот, кто ведет длительные боевые действия, так или иначе несет ущерб и убытки, а потому является «недальновидным, немудрым игроком на политической арене». Для китайской куль-

туры в данном случае большее значение играет негативная оценка именно методов войны, открытый конфликт для китайской культуры – всегда потеря «лица», т. е. репутации. При этом китайская аудитория всегда высоко оценивала успешные военно-политические решения сложных проблем, таких как, например, возвращение Крыма в состав России.

В 2014 году, Путин撑着乌克兰内乱策划克里米亚共和国公投并入俄罗斯成功。(知乎) – *В 2014 году Путин воспользовался гражданскими беспорядками на Украине, чтобы успешно провести референдум о вхождении Республики Крым в состав России (Zhihu).*

Отметим, что, как стало понятно по данным, полученным в результате количественного анализа, при описании специальной военной операции китайские авторы также довольно часто напрямую обвиняют Россию в «агрессии» или «аннексии», что также в значительной степени формирует негативный образ нашей страны. Примеры:

1) 我支持乌克兰反对俄罗斯入侵, 侵占邻国土地。(知乎) – *Я поддерживаю Украину в противостоянии вторжению и оккупации государственных территорий Россией (Zhihu).*

2) 入侵乌克兰、客场作战 – 劳师远征, 贵速不贵久。只要不能逼乌克兰做城下之盟、消灭亲欧美政府, 扶持起亲俄政府, 那么, 这场战争拖得越久, 俄罗斯就越疲敝, 离失败不远了! (知乎) – *Вторжение на Украину – это ведение боевых действий вдали от дома, на чужой территории, что приносит плоды в случае скоротечности или же доставляет проблемы в случае продолжительности. Если не получится принудить Украину к заключению невыгодного мирного договора, к уничтожению проевропейского и проамериканского правительства и поддержке пророссийского правительства, в таком случае чем дольше будет тянуться война, тем более истощенной будет Россия, и тем ближе она будет к поражению! (Zhihu)*

2. Боевые действия – это экономическая катастрофа

В своих публикациях авторы очень часто указывают на то, что после начала специальной военной операции Россия столкнулась с серьезными экономическими последствиями в виде санкций, что, по мнению авторов текстов, повторяющих нарративы западных СМИ, привело в результате к ухудшению экономического положения страны.

1) 俄罗斯正面临欧美和北约的经济制裁: 战争拖得越久, 俄罗斯的经济形势越不乐观, 甚至面临崩溃。(知乎) – *Россия сталкивается с экономическими санкциями со стороны Европы, Америки и НАТО: чем больше затягивается война, тем хуже становится экономическое положение России, вплоть до катастрофы (Zhihu).*

2) 乌克兰之战后国际社会加大对俄制裁, 也将进一步缩小俄罗斯在国际能源市场的份额, 这对俄经济命脉是重大打击。(知乎) – *Усиление международных санкций против России после войны на Украине также приведет к дальнейшему сокращению доли России на мировом рынке энергоресурсов, что нанесет серьезный удар по ключевым аспектам российской экономики (Zhihu).*

В контексте описания негативных экономических последствий для России, помимо формирования негативного восприятия нашей страны как «того, кто неизбежно столкнется с финансовыми трудностями», мы также наблюдаем целый комплекс негативных оценок, связывающих Россию исключительно с торговлей сырьем, что снова показывает фрагментарность анализа ситуации в экономике России со стороны авторов изученных текстов.

3) 到现在为止, 俄罗斯的主要经济支柱就是能源和粮食出口。(知乎) – *До сих пор основными столпами российской экономики являются экспорт энергоресурсов и продовольствия (Zhihu).*

В целом, авторы публикаций рисуют довольно мрачную картину будущего российской экономики, которая, согласно постулируемому мнению, во многом зависит от экспорта энергоресурсов и продовольствия, а снижение спроса на эти товары на фоне санкций может привести к серьезным последствиям. Подчеркнем, что для китайской культуры сущностными являются порядок и умиротворение, все периоды потрясений, смут, войн всегда негативно оцениваются традиционной китайской культурой. В царство, где неспокойно, не входите. В царстве, охва-

ченном смутой, не живите. Когда в Поднебесной порядок, будьте на виду. Если нет порядка, скройтесь. (Конфуций Лунь Юй). Именно эта установка довлеет в заключениях китайских блогеров, хотя внешне они могут приписываться аргументации их текстов.

3. Боевые действия – следствие сложной истории

Китайская культура консервативна в том смысле, что концептуально она в значительной степени ориентирована на анализ своего прошлого опыта, который зачастую признается одним из наиболее очевидных критериев оценки событий современности и будущего развития. В этой связи в репрезентации российско-украинского конфликта китайские авторы указывают на тесную историческую, культурную и экономическую связь двух государств. Примечательно, однако, то, что большое внимание уделяется распаду СССР:

Современная Россия, потеряв Украину,绝无再成为世界超级强国的可能, 因为乌克兰之于俄罗斯, 相当于东北三省 (粮食基地) + 江浙沪 (经济中心) + 长安洛阳 (文明故地), 很难想象丢掉了密西西比河流域的美国和丢掉了江浙沪的中国, 国力会衰退到什么程度. (知乎) – *После распада СССР Россия, которая потеряла Украину, больше не имела возможности стать мировой сверхдержавой, потому что Украина для России эквивалентна трем северо-восточным провинциям (продовольственная база) + «шанхайскому региону» Китая (экономический центр) + Чанъяню и Лояну (колыбель цивилизации). Трудно представить, как упадет государственная мощь США, если они потеряют бассейн реки Миссисипи, и Китая, который потеряет шанхайский регион (Zhihu).*

Этот пример наглядно – с помощью параллелей – подчеркивает для китайской аудитории высокое значение, которое играет Украина для России, которая сравнивается с тремя провинциями северо-восточного Китая как с житницей страны, с шанхайским регионом Китая как с экономическим центром и с городами Сиань и Лоян как с колыбелью цивилизации.

Оценки исторических отношений между Россией и Украиной в изученных текстах демонстрируют разницу в оценках и мнениях. Например:

1) *Российские люди считают, что в Советском Союзе трудились только русские и что Украина зрелась в лучах славы России. Украина считала, что русские угнетают ее (Zhihu).*

2) *Потому что Россия и Украина являются братскими народами и имеют общий язык, до распада СССР они должны были быть одной семьей. Очевидно, что Россия хочет помочь Украине, используя преимущества «общего языка и братского народа», поэтому Украина должна была понять доброту России и присоединиться к ней (Zhihu).*

Подобное описание причин начала специальной военной операции показывает Россию в нейтральном или нейтрально-позитивном ключе, так как подчеркивает справедливость целей России по восстановлению контроля над своей сферой влияния, т. е. Украиной, которая имеет тесные культурно-исторические и социально-экономические связи с современной Российской Федерацией.

4. Боевые действия – следствие политики США (Европы)

Китайский политический медиадискурс всегда отличается высокой степенью рефлексии относительно выяснения истинных, скрытых причинно-следственных связей политических событий, что характерно как для аналитической, так и для новостной политической журналистики. В этой связи важное место в репрезентации специальной военной операции играет описание потенциального участия западных стран в поощрении и эскалации конфликта.

Так, ряд авторов видит сходство российско-украинского конфликта с ситуацией с Гонконгом и с Тайванем. Они пишут, что Америка является причиной всех этих конфликтов, так

как Китай и Россия угрожают ее гегемонии. 我从俄乌之间, 更多看到的是香港, 台湾的历史, 都是同样的配方, 熟悉的味道。而这一切都源于美国, 绝不容许像中俄这等国家, 挑战其霸权。(知乎) – *В ситуации между Россией и Украиной я все больше вижу историю с Гонконгом и Тайванем, которые имеют тот же сюжет и знакомый вкус. И все это исходит от США, которые ни за что не позволят таким странам, как Китай и Россия, бросить вызов их гегемонии (Zhihu).*

Отметим, что негативное отношение к «гегемонистской политике силы со стороны США» встречается в изученных публикациях довольно часто, что, безусловно, отражает существование и, быть может, рост политических противоречий между КНР и США по вине США.

Например, обращается внимание на бездействие ООН в разрешении российско-украинского конфликта, а также на то, что данная организация ориентируется на США. 联合国为什么不支持乌东四州呢? (知乎) – *Почему ООН не поддерживает 4 области Восточной Украины (имеются в виду ЛНР, ДНР, Херсонская и Запорожская области) (Zhihu). 联合国一直这么对美方毕恭毕敬。(知乎) – ООН постоянно с подобострастным уважением относится к США (Zhihu).*

В этом контексте Россия предстает перед нами как «сила, которая в одиночку борется с расширением НАТО», а специальная военная операция выглядит как «вынужденная мера, которая отражает необходимость защиты своих национальных интересов».

Американцы уже想到了对付欧盟的办法, 那就是重新树立俄罗斯的威胁, 具体办法是北约东扩。美国通过北约东扩, 逼迫俄罗斯不得不与欧盟为敌。(知乎) – *США уже придумали способ борьбы с Европейским союзом, а именно снова восстановить угрозу со стороны России. Конкретным способом является расширение НАТО на восток. Посредством расширения НАТО на восток США вынудили Россию стать врагом Европейского союза (Zhihu).*

由此可见, 欧盟、俄罗斯都把乌克兰视为自己地缘政治战略中的一个重要元素。(知乎) – *Из этого следует, что ЕС и Россия рассматривают Украину как важную составную часть своей геополитической стратегии (Zhihu).*

Подобная репрезентация российско-украинского конфликта как следствия «гегемонистской политики США, притязаний Европы и бездействия ООН», где США выступают «разжигателями» идеи об угрозе России, опосредованно формирует нейтрально-позитивный образ России, которая как бы противостоит старому мировому порядку, установленному Европой, отстаивает свои национальные интересы в борьбе с сильным противником.

5. Боевые действия – личная инициатива В. В. Путина; В. В. Путин – друг Китая

Политическая фигура Президента РФ В. В. Путина имеет особое значение для китайского медиадискурса как своего рода тематическая доминанта. Китайская культура, которой свойственна большая дистанция между народом и властью, позитивно воспринимает роль «сильного лидера». В традиционной китайской политической культуре, маркированной и опосредованной конфуцианством, сильный, харизматичный лидер страны, который заботится о простом народе – есть идеал правителя. *Управляя царством, имеющим тысячу боевых колесниц, следует серьезно относиться к делу и опираться на доверие, соблюдать экономию в расходах и заботиться о людях; использовать народ в соответствующее время (Конфуций Лунь Юй).*

Так, описывая специальную военную операцию, некоторые авторы сравнивают В. В. Путина с «царем, который взял под полный контроль внутреннюю политику России», а сам конфликт воспринимают как «персональный» для Президента России:

1) 其实俄乌战争的原因既不在于北约的东扩, 也不在于乌克兰, 主要原因更在于普京的个人的政治生态。普京自叶利钦下台之后, 长期纵横俄罗斯政治舞台, 其对于俄罗斯国内政治的掌控和操纵炉火纯青。(知乎) – *На самом деле причина российско-украинской войны заключается не в расширении НАТО на восток, и не в Украине, а в личной политической среде Путина. После ухода Ельцина Путин долгое время был на каждом уголке политической арены России и довел контроль над внутренней политикой России до апогея (Zhihu).*

2) Украина является *является* *жизненно важным интересом России, однако нет дела до этого. Война на Украине в 2022 году – это личный шаг царя Путина* (Zhihu).

Многие авторы указывают, что Владимир Путин – старый друг китайского народа, причем очень часто используют слово 先生 «господин»:

优势在我, 希望中国人民的老朋友普京先生再接再厉, 继续帮我们赢得战略空间。(知乎) – *Я надеюсь, что старый друг китайского народа, господин Путин, удвоит усилия и продолжит помогать нам завоевывать стратегическое пространство* (Zhihu).

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод о том, что в неинституциональном медиадискурсе особый интерес представляет собой политическая фигура Президента РФ, Владимира Владимировича Путина. В целом, он рассматривается как лидер, обладающий значительным влиянием на политическую и экономическую ситуацию в России. При этом, понимая, что личные отношения между Президентом РФ и Председателем КНР очень близки, упоминание В. В. Путина играет, скорее, позитивную роль для формирования образа России в целом, несмотря на параллели между ним и царем.

Таким образом, в результате проведенного качественного контент-анализа публикаций неофициальных китайских медиа об СВО можно сделать вывод о разной по тональности репрезентации России. С одной стороны, наша страна часто характеризуется как «агрессор, вторгшийся на территорию соседнего государства и аннексировавший его территорию». Кроме того, делается акцент на негативных последствиях российско-украинского конфликта с точки зрения экономики и благосостояния населения, что создает образ «страны, которая не заботится о последствиях». Также негативным компонентом в создании образа России является подчеркивание зависимости экономики нашей страны от экспорта энергоресурсов. С другой стороны, СВО преподносится как противостояние США и Западу, что в современных внешнеполитических условиях особенно актуально для КНР. Так создается образ «борца за справедливость», «страны, которая имеет свое мнение и умеет отстаивать свои интересы». Также уделяется большое внимание историческому контексту конфликта, который позволяет показать СВО как «борьбу за исконно русские земли», что создает позитивный образ России в целом.

Заключение

Теория информационного воздействия предполагает, что информация, многократно повторенная в СМИ, способна посредством концептуализации, категоризации и интерпретации вносить изменения в содержание транслируемых концептов, особенно когда они приходят из внешней среды. Отдельные смысловые компоненты общественно-политических концептов, подвергаясь переосмыслению в ходе освещения актуальной новостной повестки, дополняются, сужаются; вокруг них посредством когнитивных метафор формируются образы, создаются новые эмоционально-оценочные связи.

Проведенное исследование и его выводы, связанные с лингвопрагматическими аспектами освещения специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации, касаются, строго говоря, китайской социальной сети Чжуху, а не всего китайского дискурса о СВО. На основании полученных характеристик можно, однако, моделировать потенциальные изменения в концептуальном образе России, формируемом у носителей китайской лингвокультуры в целом. В частности, мы полагаем, что частотное использование отрицательных номинаций специальной военной операции («агрессия», «аннексия») может оказать отрицательное влияние на концептуальные представления о нашей стране и изменение оценочного компонента концепта 俄罗斯 (Россия) в китайском языковом сознании. Традиционные представления русских как «боевой нации» (战斗民族) могут поменяться у западно ориентированных китайцев на «агрессивную нацию». Кроме того, упоминая о теоретическом риске негативных послед-

ствий СВО в плане экономики, социальной сферы и внешней политики, неинституциональные СМИ создают негативную оценку России как «безответственной страны, которая не думает о последствиях». Те, кто не имеет точной информации о состоянии российской экономики и реальном потреблении товаров и услуг, могут, конечно, уверовать в этот тезис. При этом нельзя не отметить, что подчеркивание противостояния России блоку НАТО, США и странам Запада имеет позитивную роль в формировании образа «борца за справедливость». Кроме того, образ Президента России по-прежнему, скорее, позитивный, что также влияет на образ нашей страны как «опоры традиционализма».

Мы полагаем, что формируемые новые концептуальные значения концепта РОССИЯ, т. е. концептуальный образ нашей страны, претерпевает серьезные изменения в картине мира носителей китайской информационной реальности, которая, вероятно, не является столь однородной, как это принято думать за пределами Китая. Безусловно, данный процесс не является одномоментным, и отследить конкретные изменения можно только посредством опросов общественного мнения и других подобных инструментов социологического характера. Однако уже сейчас понятно, что для того чтобы противодействовать наметившимся негативным тенденциям, следует обращать внимание на формирование информационной повестки, связанной с Китаем, стараться создавать такие информационные поводы, которые могут нивелировать то негативное влияние, которое наносит в целом позитивному образу нашей страны среди различных групп китайской аудитории. Отметим, что в ходе подобной работы крайне важно принимать во внимание особенности китайской культуры, такие, как, например, «поддержку достижения целей невоенными путем», поэтому в китайское информационное пространство нужно чаще предоставлять информационные поводы, которые показывают «невоенные» победы, а именно дипломатические, торговые договоренности и прочее. Этот пример призван показать, что вопросы формирования образа страны лежат в том числе в плоскости приложения усилий самого государства, и является той работой, которую необходимо проводить во взаимодействии с научным сообществом, в частности, с учеными-лингвистами.

В этой связи подобные прикладные исследования не только показывают состояние образа определенного общественного института здесь и сейчас, но и играют важную прогностическую роль. Перспективой подобных исследований видится соотношение полученных на языковом материале результатов с реальным состоянием общественного мнения, а также более значительный акцент на лингвокультурологическом аспекте информационного воздействия.

Список литературы

- Боголюбов А. Ф.** Bring Us Deliverance, Spy! (прочтения Марша шпионов Киплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Болдырев Н. Н.** Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 11–16.
- Болдырев Н. Н.** Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. 236 с
- Ван Дейк Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. О. А. Гулыги; сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
- Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (дата обращения: 03.06.2024).
- Иванов Н. В., Калинин О. И.** Информационное воздействие в политическом медиадискурсе // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики, 2023. № 3 (43). С. 76–106.

- Вьюнов А. С., Веретенников А. С., Голубцова Е. В., Гречушникова Т. В., Имас А. В., Калинин О. И., Лелюкаева Э. М., Мавлеева Д. В., Муравлева В. Р., Подолько А. С., Попова Л. Е., Приходько М. В., Середенко В. М., Сербин В. А., Солопова О. А., Степаненко Е. А., Хабаров А. А. Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа. М.: Флинта, 2024. 272 с.
- Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея // Политическая лингвистика. 2022. № 5(95). С. 135–144. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_13
- Калинин О. И. Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // Вестник Москов. гос. лингвист. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10(865). С. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41
- Калинин О. И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М.: КноРус, 2018. 148 С.
- Конфуций Лунь Юй. URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> китайский источник URL: <http://www.gudianmingzhu.com/guji/lunyu/> (дата обращения: 03.06.2024).
- Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 194–199.
- Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны в Сибирском федеральном университете: презентация научного проекта // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этносов: Сб. тр. Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2018. С. 338–348.
- Коршунов Д. С. Особенности применения статистических мер в задачах выделения китайских иероглифических биграмм // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022; Т. 20 № 2. С. 64–80. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80>
- Красовская О. В. Информационная война как коммуникативный феномен // Политическая лингвистика. 2016. № 4. С. 53–59.
- Кушнерук С. Л. Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны: Монография. М.: Флинта, 2023. 232 с.
- Кушнерук С. Л., Чудинов А. П. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. Т. 4. № 1. С. 105–118.
- Кушнерук С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая Лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 12–22.
- Лао-цзы Дао Дэ Цзин. Русский источник. URL: <http://www.lib.ru/POECHIN/lao4.txt>; Китайский источник. URL: <https://www.daodejing.org/64.html> (дата обращения: 03.06.2024).
- Мухина В. С. Личность: мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.
- Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 03.06.2024).
- Правда.ру. Джонсон: Россия входит в новую «Ось зла». URL: <https://www.pravda.ru/amp/news/world/2001738-rossija-vkhodit-v-novuju-os-zla/> (дата обращения: 03.06.2024) (дата обращения: 03.06.2024).
- РИА Новости. Такого еще не было. Заявление Китая об СВО вызвало тревогу на Западе. URL: <https://ria.ru/20240204/podderzhka-1925273942.html?ysclid=lupkvs4gy4675871425> (дата обращения: 03.06.2024).
- Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 42–50.

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 03.06.2024).
- Сунь-цзы.** Искусство войны. URL: https://librebook.me/the_art_of_war/vol4/1 китайский источник URL: https://m.gushiwen.cn/guwen/bookv_012e0da3e872.aspx
- Сюй М.** Освещение событий на Украине китайскими СМИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2(66). – С. 212–214. DOI 10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214.
- Шемакин Р. Д.** Современный образ России в китайских СМИ // Дипломатическая служба. 2023. № 4. С. 347–355. DOI 10.33920/vne-01-2304-09
- Anthony L. A.** Critical look at software tools in corpus linguistics // Linguistic Research. 2013. V. 30, No. 2, pp. 141–161.
- Shi-xu.** The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies (Routledge Handbooks in Linguistics) // Taylor & Francis Limited, 2024. 480 p.
- Wodak R.** Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Discursive Pragmatics / Edited by J.-O. Östmann, J. Verschueren, J. Zienkowski. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 50–70.

References

- A joint statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic cooperation entering a new era.** URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (accessed 06.03.2024)
- Bogolubov A. F.** Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Boldyrev N. N.** The interpretive function of language. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art history*, 2011, no. 33 (248), pp. 11–16. (in Russ.)
- Boldyrev N. N.** Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures. Ed. 5, rev. and add. Tambov, Publishing House Derzhavinsky, 2021, 236 p. (in Russ.)
- Confucius.** Analects. URL: <https://opentextnn.ru/old/data/files/konfut.pdf> Chinese URL source: <http://www.gudianmingzhu.com/guji/lunyu/> (accessed 06.03.2024)
- Ivanov N. V., Kalinin O. I.** Informational impact in political media discourse. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2023, no. 3, pp. 76–106 (in Russ.)
- Kalinin O. I., Mavleeva D. V.** Analysis of the linguistic representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the media of the PRC, the DPRK and the Republic of Korea. *Political Linguistics*, 2022, № 5(95), pp. 135–144. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_13 (in Russ.)
- Kalinin O. I.** Corpus analysis of the linguistic representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the PRC media. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, № 10(865), pp. 41–47. DOI 10.52070/2542-2197_2022_10_865_41 (in Russ.)
- Kalinin O. I.** Fundamentals of linguopragmatic research of political image. Moscow, LLC “KnoRus Publishing House”, 2018, 148 p. (in Russ.)
- Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A.** Parametrisation of Linguistic Signs of Manipulation in a Polarized Political Discourse. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 194–199. (in Russ.)
- Kopnina G. A.** Linguistics of information and psychological warfare at the Siberian Federal University: presentation of a scientific project. Information wars as the struggle of geopolitical oppo-

- nents, civilizations and various ethnic groups: proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk, 2018, pp. 338–348. (in Russ.)
- Korshunov D. S.** Distinctive Features of Association Measures Applied to Chinese Character Bigram Extraction Tasks. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 64–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-64-80>
- Krasovskaya O. V.** Information War as a Communicative Phenomenon. *Political Linguistics*, 2016, no. 4, p. 53–59. (in Russ.)
- Kushneruk S. L.** Ideological world modeling in the context of information and psychological warfare: monograph. Moscow, FLINT publ., 2023, 232 p. (in Russ.)
- Kushneruk S. L., Chudinov A. P.** The development of linguistics of information and psychological warfare: methodological heterogeneity and the first results. *Ecology of language and communicative practice*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 105–118 (in Russ.)
- Kushneruk S. L.** Trajectories of information and psychological warfare research in Russian linguistics. *Political Linguistics*, 2019, no. 6 (78), pp. 12–22. (in Russ.)
- Laozi Tao Te Ching.** Russian URL source: <http://www.lib.ru/POECHIN/lao4.txt> Chinese URL source: <https://www.daodejing.org/64.html> (accessed: 06.03.2024).
- Meeting of the Valdai International Discussion Club.** URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/69695> (accessed: 06.03.2024).
- Mukhina V. S.** Personality: Myths and Reality (An alternative view. A systematic approach. Innovative aspects). 2nd ed.: rev. and add. Moscow, 2010. (in Russ.)
- RIA News.** This has never happened before. China's statement on its own has caused alarm in the West. URL: <https://ria.ru/20240204/podderzhka-1925273942.html?ysclid=lupkvs4gy4675871425> (accessed: 06.03.2024).
- Shemyakin R. D.** The modern image of Russia in the Chinese media. Diplomatic Service, 2023, no. 4, pp. 347–355. DOI 10.33920/vne-01-2304-09
- Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A.** Linguistics of information and psychological warfare: towards substantiation and definition of the concept. *Political Linguistics*, 2016, vol. 1 (55), pp. 42–50. (in Russ.)
- Sun Tzu.** the Art of War. URL: https://librebook.me/the_art_of_war/vol4/1 Chinese URL source: https://m.gushiwen.cn/guwen/bookv_012e0da3e872.aspx (accessed: 06.03.2024).
- The President's Message To the Federal Assembly.** URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (accessed: 06.03.2024).
- Michael Johnson.** Russia is entering a new “Axis of Evil”. URL: <https://www.pravda.ru/amp/news/world/2001738-rossija-vkhodit-v-novuju-os-zla> (accessed: 06.03.2024).
- Van Dijk.** Language. Cognition. Communication. / Translated from English by O. A. Gulygi, comp. V. V. Petrov, edited by V. I. Gerasimov. M.: Progress, 1989 (in Russ.)
- Vyunov A. S., Veretennikov A. S., Golubtsova E. V., Grechushnikova T. V., Imas A. V., Kalinin O. I., Lelyukaeva E. M., Mavleeva D. V., Muravleva V. R., Podolko A. S., Popova L. E., Prikhodko M. V., Seredenko V. M., Serbin V. A., Solopova O. A., Stepanenko E. A., Khabarov A. A.** Information warfare in the context of a special military operation. The experience of linguistic analysis. Moscow, Flint Publishing House, 2024, 272 p. (in Russ.)
- Xu M.** Coverage of events in Ukraine by Chinese media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2022, № 3-2(66), pp. 212–214. DOI 10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214 (in Russ.)

Информация об авторах

Калинин Олег Игоревич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, старший научный сотрудник Управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета)

Мироненко Константин Николаевич, адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Information about the Authors

Oleg I. Kalinin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Chinese Language at the Moscow State Linguistic University, Associate Professor of the Department of Far Eastern Languages at the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, Senior Researcher of the Department of Scientific and Innovative Activity of South Ural State University (National Research University)

Konstantin N. Mironenko, adjunct at the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

*Статья поступила в редакцию 17.06.2024;
одобрена после рецензирования 02.07.2024; принята к публикации 05.07.2024*

*The article was submitted 17.06.2024;
approved after reviewing 02.07.2024; accepted for publication 05.07.2024*